

*П. Н. Базанов**

**«УТВЕРЖДЕНИЯ» РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НАЦИОНАЛ-МАКСИМАЛИСТОВ****

В статье анализируются общественно-политические взгляды одной из самых крупных пореволюционных организаций Русского Зарубежья — национал-максималистов (утвержденцев). Реконструирована история этого национал-большевистского политического течения. Выявлены их основные идеологические постулаты, показаны их синкретическая самобытность и оригинальность, и поиски третьего пути между социализмом и капитализмом. Раскрыто отношение к христианству, славянофильству и социализму. Основной акцент сделан на их отношении к решению национального вопроса в России, созданию нового государства в России. Так же обоснована позиция утвержденных по отношению к интервенции и пораженчеству в будущей войне. Затрагивается их критика нацизма, как величайшей опасности для народов России. Обоснована роль лидера утвержденных Ю. А. Ширинского-Шихматова. Исследуется история издательской деятельности национал-максималистов, периодики, в том числе журналов «Утверждения» и «Завтра», являющихся важным источником их взглядов.

Ключевые слова: Ю. А. Ширинский-Шихматов, утвержденцы, национал-большевики, национал-максималисты, пораженчество, оборончество, национальный вопрос, русская эмиграция, христианский социализм.

P. N. Bazanov

**«AFFIRMATIONS» OF RUSSIA: POLITICAL AND PUBLISHING ACTIVITIES
OF THE NATIONAL MAXIMALIST REVOLUTIONARIES.**

The article analyzes the socio-political views of one of the largest post-revolutionary organizations in the Russian Abroad — the national-maximalists (affirmators). The history of

* Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВП Санкт-Петербургский государственный институт культуры; bazanovpn@list.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

this national-bolshevik political trend is reconstructed. Their main ideological postulates are revealed, their syncretic originality and originality are shown and the search for a third way between socialism and capitalism. The relation to christianity, slavophilism and socialism is revealed. The main attention is paid to their attitude to the solution of the national question in Russia, the creation of a new state in Russia. The position of the affirmators in relation to intervention and defeatism in a future war is also substantiated. Their criticism of nazism is touched upon as the greatest danger to the peoples of Russia. The role of the leader of the approvers Yu. A. Shirinsky-Shikhmatov. The history of publishing national maximalists, periodicals, including the magazines «Affirmations» and «Zavtra», which are an important source of their views, is investigated.

Keywords: Yu. A. Shirinsky-Shikhmatov, approvers, national-bolsheviks, national-maximalists, defeatism, defencism, the national question, Russian emigration, christian socialism.

Пореволюционеры появились в Русском Зарубежье в конце 1920-х — начале 1930-х гг. как левый ответ эмиграции на поиски новой идеологии, способной опровергнуть большевистский коммунизм и либеральный капитализм со всеми их недостатками. Пореволюционерам свойственны поиски очередного т. н. «третьего пути», чем их идеи и привлекательны последние четверть века в России. Все пореволюционные организации признавали Революцию 1917 г. как свершившийся факт, но левые пореволюционеры находили в социалистическом перевороте положительные стороны, как и в фашизме, демократию, к которой надо стремиться, и противопоставляли себя нацизму.

Одна из самых крупных пореволюционных организаций, но немногочисленная по количеству членов — национал-максималистская имела несколько названий. Первым названием совсем маленькой группы Ю. А. Ширинского-Шихматова его ближайших единомышленников был «Союз российских национал-большевиков», потом «Союз российских национал-марксистов (национал-большевиков)» и, наконец, «Союз Национал-Максималистов», но в историю члены этой группы вошли под названием «утвержденцы». Эмблемой новой организации стал крест на фоне серпа и молота в обрамлении двух снопов с лозунгом: «Да здравствует Новая Россия, страна Веры и Труда».

Идеологию национал-максимализма начал разрабатывать еще в начале 1920-х гг. князь Юрий Алексеевич Ширинский-Шихматов (1890–1942) — по прямой линии потомок Чингисхана, кавалергард и летчик, по образованию юрист, в эмиграции публицист и шофер такси. В начале 1920-х гг. он был известен как активный монархист, один из лидеров правого молодежного движения. Получив деньги у великого князя Дмитрия Павловича, первым переиздал «Монархическую государственность» Л. А. Тихомирова. Разработка новой монархической идеологии, идейные искания, привели его к образованию нового политического течения. Еще в Берлине в 1920 г. он выступал с докладом с характерным названием «Национал-большевизм и свободно-избранные Советы как путь к национализации революции». Как и многие эмигрантские организации, национал-максималисты утверждали, что у них была предтеча — российская организация, якобы созданная в Москве летом 1917 г. Свои взгляды Ю. А. Ширинский-Шихманов определял как «советско-монархическое народничество», отвергал «Белую идею» и призывал к «овладеванию» рево-

люцией. В отличие от сменовеховцев он не верил в возможность перерождения большевистского режима и выступал за возрождение национального идеала и социальной справедливости [14, с. 101]. После оккупации Франции фашистами Ю. А. Ширинский-Шихматов в знак протеста хотел зарегистрироваться как еврей и носить желтую звезду. Он мученически погиб в немецком концлагере: эсэсовцы забили его насмерть за попытку заступиться за другого заключенного [13, с. 112].

Позицию утвержденных об овладении русской революцией лучше всех передал писатель и публицист Лев Борисович Савинков (1912–1987) — сын знаменитого террориста, сам более всего известный как член интербригады, воевавшей за республиканцев в Испании, участник Сопrotивления и после войны совпатриот. Вопреки придуманным впоследствии домыслам, что пореволюционеры, якобы переходили на коммунистические позиции, речь шла о замене большевистской идеологии Русской Идей (в утвержденческом ее понимании) [22, с. 8].

В июне 1927 г. от имени «Парижской Группы Союза Национал-Максималистов» Ю. А. Ширинский-Шихматов выпустил типографскую листовку с лозунгами: «К слухам об интервенции», «Долой Коммунизм!», «Иностранцы руки прочь от России!» [5, л. 4–4 об.], в которой познакомил эмиграцию с основами своей политической доктрины. Общая идея листовки — националист не может быть пораженцем, и критика позиции П. Б. Струве о свержении большевиков любыми способами. В том же году в Ницце была издана от имени «Ниццкого кружка политического самообразования» и единственная брошюра пореволюционеров «Национал-максимализм и национал-большевизм» (16 с.) подписанная криптонимом «Л.Б.». Большую часть брошюры занимал текст доклада Ю. А. Ширинского-Шихманова на конференции «Объединения русских эмигрантских студенческих организаций» (ОРЭСО), первоначально напечатанный в первом номере молодежного журнала «Авангард» (Северная Африка). В докладе доказывалось, что национал-максимализм и национал-большевизм — одно и то же, поэтому в первом номере журнала «Утверждения» на третьей странице обложки рекламировалось это издание.

В начале тридцатых годов Ю. А. Ширинский-Шихматов издает в Париже журнал «Утверждения» (1931–1932. — №№ 1–3). Наверное, самое серьезное свое идеологическое предприятие. Вышло всего три номера, обложку к ним выполнил художник В. Н. Никольский. Во всех трех номерах разные подзаголовки, в первом — «орган Объединения пореволюционных течений», во втором — «орган исканий нового синтеза», с № 3 — «орган осуществления нового синтеза». Заказы на печать принимали французские типографии, и только последний номер были напечатан в известном «Франко-Славянском издательстве».

Название журнала тоже было символичным. В первом номере в статье «От редакции» анонимный автор, видимо, Ю. А. Ширинский-Шихматов, пояснял:

«До-революционные направления, из различных побуждений и с разными целями сходились в одном: в ОТРИЦАНИЯХ. Течения по-революционные, ис-

ходя их различных предпосылок, устанавливая свою идейную преемственность из различных идеологических источников — сходятся в конечных УТВЕРЖДЕНИЯХ» [18, с. 3].

Журнал должен был объединить всех сторонников для создания новой идеологии:

Нам необходима концентрация всех сил, всего пореволюционного фронта для выполнения первостепенной важности задачи, лежащей на журнале: оформления единой пореволюционной идеологии, формулировки Российской исторической Идеи в ее проекции на современность [18, с. 6].

Как писали представители молодежного крыла нового движения о его формировании:

Все расширяющееся объединительное после-революционное движение, названное «утвержденчеством» (по имени его идеологического основоположника и водителя, — журнала «Утверждения») в настоящее время уже захватило значительные слои молодой трудовой эмиграции [16, с. 1].

Авторами журнала были не только национал-максималисты, но и представители других оттенков пореволюционной мысли, разрабатывавшие новый государственный строй (идеократия — идеоправство — синтекратия). Кроме Ю. А. Ширинского-Шихматова, из молодых пореволюционеров печатались журналист (сын известного нововременского публициста) Яков Михайлович Меньшиков (1888–1953) и идеолог национал-мессионистов П. С. Боранецкий, а так же многие левые евразийцы (И. В. Степанов, Н. К. Ладов, С. Д. Бохан), сменовеховцы-устряловцы (Н. В. Устрялов, Н. В. Васильев и Г. Н. Таносов), христианские анархисты, полумладороссы, националисты-христиане, неонародники и т. д. [4, с. 46]. Сотрудниками «Утверждений» оказались видные представители старшего поколения эмиграции: новгородцы — Н. А. Бердяев, Е. Д. Скобцова (Мать Мария), Е. Д. Кускова, близкий в то время «Современным запискам» Ф. А. Степун и принадлежащий к умеренно-правому сектору Зарубежья сотрудник «Возрождения» Н. С. Тимашев. Близок к «пореволюционному течению» и к «Утверждению» оказался и недавний советский дипломат-перебежчик, занявший двусмысленную позицию, — С. В. Дмитриевский. Публика, как справедливо заметил один из первых историков русской эмиграции Г. П. Струве, «весьма разношерстная», он же доказывал, что «в каком-то смысле духовным отцом журнала был Н. А. Бердяев». «Обе первых книжек “Утверждений” открывались бердяевскими “открытыми письмами к пореволюционной молодежи”, и на писания многих сотрудников журнала чувствовалось влияние Бердяева» [25, с. 155]. «Утвержденцы» считали, что их влиянию следуют 24 кружка русских эмигрантов по всему свету.

Об интересе к пореволюционным и национал-максималистским идеям свидетельствует рост тиража «Утверждений»: Первая книга — 600 экз.; Вторая книга — 1200 экз.; Третья книга — 1800 экз. Реальный тираж, по утверждению П. С. Боранецкого, был не более 700 экз. [2, с. 39]. «Журнал издавался без всяких меценатов, исключительно на извоищичьи заработки самого Ширинского

и такие же трудовые гроши молодежи из его окружения» [4, с. 46–47]. По свидетельству известного эсера В. М. Зензинова, на «Утверждения» И. И. Бунаков–Фондаминский «с любовью охотно помогал найти средства, издателя, типографию. Он выработал даже особый метод издания книг, авансируя типографию своими средствами и заранее распределяя будущее издание между разными русскими книжными магазинами Парижа и Берлина» [7, с. 315].

Основными программными политическими положениями утвержденных были:

1. Свобода религий.
2. Конфедеративное государство с сильной центральной властью, опирающееся на систему свободно-избранных советов («Союз Народов Государства Российского»). ...8. Усиление обороноспособности страны.
9. В области внешней политики: всемерное стремление к мирной ликвидации конфликтов; доброжелательное отношение к освобождающимся колониальным народам и эксплуатируемым слоям населения капиталистических стран... [28, с. 38–39].

Так же важнейшим считалось: «Освобождение России от сталинской диктатуры» [28, с. 40]. Под национальным освобождением понималось «право всех населяющих Россию народов свободно строить свою жизнь и развивать свои национальные культуры.». Конфедерация в виде «Союза Народов Государства Российского» рассматривалась как вынужденная временная мера для спасения государства, но на все время переходного периода проповедовался путь сильной власти. Для повышения обороноспособности страны утверденцы в своей геополитической доктрине колебались между федерацией и конфедерацией, склоняясь к первой, как более органичной для евразийского пространства, в виде «Союза Народов Государства Российского». Впрочем, пореволюционеры более надеялись на духовное единство, централизация предлагали только добровольную.

Особенности политической программы утвержденных не понять, если не знать их главный идеологический постулат. Главный постулат — богоизбранничество русского народа. Особая мировая роль русской нации, ее мировое значение, национальный характер способны преодолеть любые политические сложности. Доказательству данного постулата посвящены почти вся публицистика национал-максималистов и статьи их союзников.

Основными для пореволюционной идеологии считались четыре тезиса:

1. Примат духовного начала над материальным, идей над интересами, общего над частным,
2. Долг устройства жизни на основах христианской правды,
3. Всечеловечность миссии России — духовной, культурной, социальной (раскрываемой многими, как мессианское призвание),
4. Наконец, постановка проблемы по-революционности, как проблемы синтеза (до - революционная Россия — тезис, революционная — антитезис) [18, с. 6].

В отличие от воинствующего атеизма большевиков, пореволюционеры считали: *«Христианство — наша основа, наш исход и наша цель»* [1, с. 4]. Поиски нового духовного пути утвержденных, союз социального равенства и православия лучше всех выразил художник Валентин Леонидович Андреев (1912–1988), сын знаменитого писателя:

Лучи Христианства должны просиять в России и пронизать сумерки человечества; мы ищем каким способом мы сможем отдать на это и свои силы, Мы знаем, что веру «нельзя навязать, она приходит сама». Но можно видеть дела верящих и поверить в их истину. Именно этим путем мы и хотим завоевать доверие. Мы отбрасываем два «пути к блаженству» современного человечества: коммунизм и капитализм. Они враги друг другу, но мы враги им обоим. Мы ищем претворения в жизнь Христовой Истины в Ее незапятнанном виде. Мы ищем в себе силы не ограничиться одним церковным — личным благочестием; христианство очищенное, христианство новое, к человеку и человечеству обращенное, христианство социальное — вот путь сияющий впереди. Смиренно и дерзостно вступаем мы на эту дорогу [1, с. 4].

Кроме идеи «Свободы» в бердяевском понимании, поднимались два вопроса — извечная русская дилемма «западничество и славянофильство» и отношение к революции 1917 г. и советской власти.

Все пореволюционеры не признавали концепцию активистов, считавших, что СССР не Россия, а государство, не имеющее отношения к нашей исторической традиции, созданное коммунистами на территории захваченной страны, как Турция на месте Византии. В отличие от активистов, пореволюционеры доказывали, что появилась новая российская держава — Советская Россия, которая продолжает генеральную линию русской истории — существовать во имя всего человечества и давать пример вселенских общемировых практик, а не мещанско-буржуазных устремлений стран Запада.

Отношение к советской власти было для утвержденных не посредственно связано с их неприятием интервенции и с подрывом обороноспособности страны. *«Путь России — это путь от советской действительности к осуществленной Российской Идее»* [19, с. 10]. Как и другие пореволюционные течения, они не признавали сталинский социализм, как и капитализм.

Наша политическая позиция вполне определена: она непримиримо революционна по отношению к коммунистическому правительству современной России. Наша позиция столь же непримиримо враждебна всякой реставрации — во всех ее видах и степенях. Для нас равно неприемлемы тезисы капитализма и антитезисы коммунизма. Мы ищем новые формы, новые пути [18, с. 8].

Разграничивался существующий в Советской России большевизм (народное бунтарство, олицетворяемое первым большевиком Степаном Разиным) и коммунизм (западная теория, вредная для России, олицетворяемая отцом коммунистов Карлом Марксом).

Само советское государство, государственную промышленность и в особенности Красную Армию утвержденные хотели сохранить. Их не устраивала коммунистическая идеология. Власти они хотели достигнуть путем переворота, без гражданской войны, с опорой на молодежь. Любой контакт с советской властью носит тактический характер и связан со спасением страны и русского народа.

К коммунистической власти мы относимся непримиримо и сближения с современной Россией ищем через голову как эмигрантщины, так и коммунистической опричнины [10, с. 166].

Л. Б. Савинков даже уточнял о контактах с подсоветской молодежью [22, с. 9].

Правый сменовеховец Н. В. Устрялов, с присущим ему реализмом и лучшим знанием советской действительности, пытался поставить мечтателей пореволюционеров на землю. Он указывал, что молодежь в СССР понятия не имеет о проблемах, которые волнуют их ровесников в зарубежье. Это действительно две параллельные вселенные, которые встретились только в 1990-е гг.:

Представьте себе евразийские «временники» с их историософской романтикой и религиозным эзотеризмом в руках современного комсомольца-ударника! Представьте себе того же комсомольца за политико-философскими размышлениями «Утверждений!» — Это разные миры... Они встретятся? — Да! когда-нибудь... в наших внуках... Но сейчас — сейчас не тешьте себя преждевременными снами!... Сейчас, впрочем, спасибо и на том, что если комсомольцу еще нет дела до евразийца, то евразиец готов жадно и *сочувственно* всматриваться в комсомольца. Это уже большой шаг вперед — для зарубежья [26, с. 111].

Пораженчество в рядах русских эмигрантов, провоцирование новой интервенции вызывали у утвержденных обоснованную обеспокоенность. Ю. А. Ширинский-Шихматов призывал единомышленников обсудить данную проблему на страницах журнала.

Другие отстали еще больше и рассуждают еще примитивнее: к если будет война какой-либо иностранной державы с СССР возьму винтовку и пойду с иностранцами «против большевиков». Видимо не отдают себе отчета, что фактически пойдут отвоевывать «Одессу для Бухареста и Киев для Варшавы». Это последнее обстоятельство побудило нас дать во второй книжке «Утверждений» несколько статей, под разными углами зрения затрагивающих проблему интервенции [27, с. 65].

Евразиец И. В. Степанов справедливо заметил, что Западу совершенно все равно, какая власть в России: царская, коммунистическая или демократическая. Строй с рыночной экономикой и развитой промышленностью даже хуже — торговый конкурент.

Борьба против советов принимает характер чисто экономической борьбы. Коммунистической пропаганды уже не боятся, боятся хозяйственной мощи России. Боятся неожиданного конкурента [24, с. 109].

Такие же мысли высказывал О. А. Сарматов со ссылкой на герmanoфила, сенатора Жозефа Мари Огюста Кайо (1863–1944) — бывшего премьер-министра и министра финансов Франции:

Недаром недавно Кайо высказал мысль, что западному капитализму страшиться надо не коммунизма, а экономического подъема России, и что в интересах Европы надо загормозить развивающееся там строительство. Идти с интервентами — идти против России! [23, с. 122].

Другой утвержденческий публицист, А. Д. Холодилов развивал пореволюционную концепцию единой страны — не красной, не белой, поэтому ос-

лабление Советской России — это беда для Родины, для будущего государства после большевиков.

«Вот почему глубоко ошибочны все те политические концепции, которые предусматривают раздельное существование двух политических идей: России «советской» и России «национальной». Россия — едина, и она неотделима в данное время от большевизма, как в дореволюционную эпоху была неотделима от самодержавия. ... Вот почему в настоящее время всякое действие, всякая пропаганда, имеющая целью повредить интересам современной России, является деянием антинациональным, пораженческим. Нам, русским, необходимо теперь же решить с кем мы — с Россией или с ее будущими врагами, ибо не в страстной борьбе против неизбежности надвигающихся ужасных событий, а в своевременном предотвращении ошибок и паники во время этих событий — долг подлинных патриотов» [30, с. 64].

Если утвержденных упрекали в беспочвенных мечтаниях об изменении положения на Родине, то у их оппонентов — активистов — не существовало которые единого плана действий. Они жили в парадигме 1918 г. — захват власти в стране кучкой бандитов, которую легко можно свергнуть. Знаменитый изобретатель И. И. Сикорский годами искал деньги на строительство большого самолета, который долетит до Москвы, сядет на Красной площади, а боевики РОВС перебьют советское руководство, и Россия станет свободной. Русская поэтесса и публицистка, евразийка, доктор философии София Дорофеевна Бохан-Савинкова (?—1939) посвятила статью «Мы» критике отсутствия у активистов историософской системы причин революции и поражения в Гражданской войне. В эмиграции она призывала содействовать национализации революции:

«Прежде всего — мы должны твердо знать, чего именно не надо делать: не мечтать об интервенции, не призывать к актам саботажа и вредительства, не ставить знака равенства между Россией и комвластью, между коммунизмом и Революцией» [22, с. 8].

Особую обеспокоенность у всех оборонцев вызывали экспансионистские планы германского нацизма. Общественно-политическая деятельница, меценат, член группы пореволюционной молодежи, член редколлегии «Завтра», Совета Старейшин и Исполнительного комитета «Пореволюционного клуба» Ирина Ильинична Ильинская еще до прихода к власти Гитлера в статье «Новые течения европейской мысли» писала од двух новых тенденциях в немецкой русофобии — расизме (с оголтелым антисемитизмом) и желании русской земли до Урала.

Есть в них и непреодоленная до-революционность: многие установки — лишь случайно выхваченные и уродливо преувеличенные отдельные черты староклассического пан-германизма. Так, национал-социалисты являются защитниками чистоты германской расы и открыто проповедуют антисемитизм. В них прежде всего *национальная гордость определяет сознание*. Они, в общем, враждебно настроены по отношению ко всем расам. Отношение к евреям — только самое резкое проявление этой ненависти. О России они просто говорят, что, «если нам понадобится земля, мы возьмем ее на Востоке» [9, с. 21].

Причем ссылка на «Майн камф» была сделана специально для предельной точности. «Утверждения» напечатали статью гамбургского публициста Хуго Вальдена «Эволюция Хитлера». В ней показано влияние на фюрера нацистов балтийских немцев. Эти эмигранты из России были неистовыми русофобами, пропагандистами нордической расы. Остзейцы пропагандировали совместный поход немцев и англичан против унтерменшей с Востока.

Опять выдвигается план отторжения от России Украины, Дона и Кубани, чтобы служить житницей Германии. Эстония же, Латвия и Литва должны всецело подпасть германскому влиянию для того, чтобы балтийские бароны могли бы вернуться хозяевами в свои родовые замки... [3, с. 162].

С большим удовольствием показывает немецкий публицист поддержку правыми Великобритании национал-социалистов, но, как русофил-бисмарковец, он считает войну с Россией будущей катастрофой, а с коммунистами СССР А. Гитлер всегда может договорится, т. к. борется с марксизмом только в Германии.

Эта националистическая мегаломания может еще очень дорого обойтись германскому народу, но пока что английские консерваторы субсидировали национал-социалистов на выборах в рейхстаг в 1930 году и Хитлер (Гитлер. — П. Б.) приглашен в Лондон читать лекции о задачах партии. Поэтому было бы большим заблуждением полагать, что приход национал-социалистов к власти знаменовал бы резкую перемену курса германской внешней политики в отношении Москвы. Война коммунизму будет объявлена Хитлером только на территории Германии [3, с. 162].

Идеология оборонческой позиции утвержденных, основанная на их философии, вызывала острую критику даже у ближайших сторонников. П. С. Боранецкий, пройдясь по их христианству, обвинял в сменовеховстве.

Ведь нац.[ионал]-большевизм «Утвержд.[ений]» это ни что иное, как все та же устряловщина, переданная здесь «своими словами». При таких установках это, в лучшем случае, позиция буриданова осла, подыхающего между двумя стогами сена, а в худшем — предмет для употребления большевиками в их работе по разложению эмиграции. При этом большевизанскую наготу плохо прикрывает фиговый листок лампадного «мессианизма». Этот «мессианизм» отца Паисия (из «Бр[атьев]. Карамаз.[овых]») и старца Филофея, воспринятый «Утвержд.[ений]» может быть только выгоден большевикам помимо своего назначения фигового листка: он уводит людей от подлинной исторической активности и закапывает их на кладбище среди всякого рода мертвечины» [2, с. 40].

Известный перебежчик С. В. Дмитриевский в статье «Против пассивности» призывал не ждать, что само собой в Советской России, как у сменовеховцев, поменяется к лучшему: «Мой призыв к зарубежной молодежи: — Бойтесь устряловщины!» [6, с. 128]. Другой пореволюционер, Владислав Д. Иванов призывал не увлекаться отчетами советской власти о развитии промышленности и успехах в экономике. Он доказывал, что столь любимая коммунистами кампанейщина мало имеет отношения к реальным делам. Вместо плановой

экономики, построенной на научных прогнозах, — волюнтаризм («Пятилетку в три года»), вместо повышения качества труда и производительности — дутые рекорды («Стахановское движение»), а возникающие из-за этого брак, технические аварии и износ оборудования, незамедлительно объявляются вредительством. *«Результат: — “пятилетка”, т.-е. демагогия вместо дела, вопли вместо приказов и процессы о “вредительстве” вместо результатов. Лживая и карикатурная картина строительных усилий страны. Картина одновременно печальная и смешная»* [8, с. 146]. Через несколько лет И. В. Сталин и руководство СССР негласно признали свои ошибки в форсировании первой пятилетки и даже помиловали участников «дела Промпартии».

Осенью 1932 г. в Париже был основан «Пореволюционный Клуб», ставивший своей задачей мировоззренческий диалог представителей пореволюционных течений, «осознание и обоснование целостного пореволюционного миро воззрения. Большого влияния она (группа национал-максималистов. — П.Б.) на общественную жизнь русского зарубежья не имела, но своими “оригинальными” воззрениями создавала себе соответствующую рекламу» [12, с. 99].

В 1933 г. по инициативе Ю. А. Ширина-Шихматова образовалось Объединение Пореволюционных Течений (ОПТ), в которое вошло несколько карликовых организаций. Судя по всему, деятельность ОПТ сводилась в основном к заседаниям в так называемом Пореволюционном клубе, диспутам и т. д. Даже издание своей прессы «утвержденцам» не удалось наладить. Влияние ОПТ как реальной политической силы оказалось ничтожным, что не отменяет идейной оригинальности того же Ширина-Шихматова [21, с. 434].

В июле 1933 г. по инициативе Ю. А. Ширина-Шихматова состоялся первый съезд представителей национал-максималистов, утвержденных, неодемократов, националистов-христиан, четверороссов и русских национал-социалистов. Съезд принял устав «Объединения пореволюционных течений» (ОПТ). В первом пункте этого устава пояснялось, что в ОПТ могут входить на федеративных началах (на основании особого каждый раз постановления ЦИК ОПТ) все пореволюционные организации, течения, группы и кружки... [4, с. 48], но предусматривалось и личное членство: «Всем вступающим в ОПТ (предусмотрены и персональные вхождения в Объединение)» [4, с. 49]. В уставе были зафиксированы: отказ от монархической формы правления и идея «истинного национализма как всенародного служения Богу и Миру — на собственных исторических путях» [14, с. 102].

Впрочем, положения устава носили более декларативный характер. Даже само ядро ОПТ — группа «Утверждения» — должна была порой выступать не как политическая партия, а как политическое течение.

«Утвержденцем может быть и национал-максималист, и евразиец, и неонародник («новоградец»), и даже устряловец, — не отказываясь ни от своей программы, ни от своей организации. В утвержденчестве сплетаются все отдельные тропинки, сливаясь в широкую торную дорогу» [19, с. 1].

Организационная слабость сторонников Ю. А. Ширина-Шихматова приводили к тому, что им постоянно приходилось оправдываться почему они не создали свою политическую партию:

Утвержденцы — не политическая партия, а политико-идеологическое объединительное движение, в котором принимают участие представители самых различных пореволюционных групп, организаций и направлений. Ибо утвержденчество в организационном отношении есть прежде всего стремление к сочетанию и сосредоточению усилий ныне разрозненно-ищущих пореволюционных направлений [16, с. 2].

Группы утвержденцев образовались в Латвии, Бессарабии, Югославии, Польше, Эстонии, Чехословакии, Южной Германии, Южной Америке и Северной Африке. Все группы и ячейки (от 3 до 15 человек) [31, с. 167].

Тем не менее, на позицию Ю. А. Ширинского-Шихматова ориентировались следующие периодические издания. Печатавшийся на множительном аппарате в Марселе журнал «Пореволюционная Россия: Бюллетень Представительства объединения пореволюционных течений на Юге Франции», при ближайшем участии Г. Р. Кроона (Георгия Волина) — руководителя Российской национально-социалистической рабоче-крестьянской группы во Франции, и генсек местного Пореволюционного клуба, член Л. Лукьянов. Планировалось, что он будет выходить 2 раза в год, но вышли только первые два номера за 1934 г. и третий за 1935 г. В Париже выходили журналы «Еженедельник Пореволюционного клуба», с редколлегией О. А. Грекова, А. М. Зигон, И. И. Ильинская, А. Ф. Пилипенко (1934–1935. — № 1–21/22), преобразованный в «Ежемесячник Пореволюционного клуба» (1935. — № 1), напечатанный в парижской типографии «S.N.I.E». Последний журнал открывался программной статьей Ю. А. Ширинского-Шихматова «Первое открытое собрание» [10]. В ней раскрывалась корректировка взглядов «утвержденцев» на национальный вопрос.

В плане национальном мы отстаиваем преобразование фиктивной федерации одноклассовых обществ (вернее — их компартий) в конфедерацию бесклассовых национальных организмов, т.е. утверждение начал пореволюционного конфедерализма, — основы грядущего Союза Народов Государства Российского [10, с. 13].

Далее излагается доклад Ю. А. Ширинского-Шихматова «Что происходит в России?» (7 ноября 1935 г.) с рассуждениями о «национализации» советской власти [29, с. 15].

Планировалось издать (к 15 января) второй номер «Ежемесячника». В нем должны были напечатать следующие доклады: 1) Г. П. Федотов — «Основная проблема пореволюционного сознания»; 2) Л. Н. Антонов — «Фашизм и коммунизм»; 3) Н. Н. Алексеев — «Конституция СССР»; 4) Ю. А. Ширинский-Шихматов — «Организация труда в современной России» [29, с. 15].

На «Утверждения» ориентировалась так же «независимая беспартийная газета» «Россиянин-Пореволюционер». Вышел только один номер в 1936 г., администратором был Вячеслав Цимбалюк, который был основателем отделения Союза в Париже в 1936 г. Последний организовал и возглавил «Зарубежный Союз Служения Родине (ЗА СЭСЭСЭР)» [5, л.129]. Удалось выявить оборонческую листовку от имени «Зарубежного Союза Служения Родине» (сокращенно: «ЗА ЭСЭСЭР») с девизом «За Россию — все с Россию!» [5, л. 129] напечатанную в типографии «SNIP».

Пореволюционер Г. Р. Кроон (Георгий Волин) в начале 1930-х гг. создал на юге Франции «Российскую национально-социалистическую рабоче-крестьянскую группу во Франции» [5, л. 1], которая входила в якобы существующее «Российское национально-социалистическое Движение». От имени «Центра действия» этой организации он выпустил одноименную листовку [5, л. 176] — национал-большевистского содержания. Более интересна его листовка «Во имя Голгофы против Свастики» [5, л. 181], с антигитлеровским и прохристианским содержанием. В ней содержалась информация о полном разрыве с русским национал-социалистическим движением, ориентировавшимся на А. Гитлера. В Германии ячейка организации Г. Р. Кроона действовала с 1931 по 1933 г. Г. Р. Кроон так же выпустил листовку «Тезисы «Российской национально-социалистической рабоче-крестьянской группы», к интегральному социализму, к Новому Граду — Царствию Божьему на земле». С лозунгом Россия — Третья Россия [5, л. 199]. Листовка была крайне антисепаратистской направленности.

Группа молодых членов ОПТ издавала журнал «Завтра», заявленный как «ежемесячник утвержденных», но реально вышло всего семь номеров (Париж, 1933. — № 1–4; 1935. — № 5–7). Тираж намечался 2500 экз. Четные и спецвыпуски в продажу не поступали, их тираж был значительно меньше — в 300 экз. Хотя четные номера журнала печаталась на ротаторе, т. к., по сведениям В. С. Варшавского, на типографию денег не хватало [46, с. 47], поэтому с четвертого номера все стали нетипографскими. Журнал «Завтра» декларировался как «орган молодых — для молодых» [1, с. 1]. В редколлегию входили Вадим Л. Андреев, Вал. Л. Андреев (сыновья писателя Леонида Андреева, последний — автор обложки журнала), И. И. Ильинская, Л. Б. Савинков, А. И. Ярмидзе (идеолог группы), при ближайшем участии Ю. А. Ширина-Шихматова. Внутренние противоречия привели к изменению подзаголовка с № 5 в 1935 г.: «пореволюционный ежемесячник, издание Парижского отдела Союза российских национал-марксистов (национал-большевиков)». В последнем номере у журнала появился неофициальный редактор П. С. Чижов. При нем термин «национал-большевики» стал основой в самоназвании группы.

«Завтра» предоставило свои страницы и представителю другого пореволюционного течения — первому идеологу неodemократии, заместителю председателя «Объединения русских эмигрантских студенческих организаций» Н. Н. Былову, известному своей формулой третьего пути — «демократия минус плутократия и плюс христианство». Из других авторов выделим Н. Н. Алексева, С. В. Дмитриевского, В. Д. Иванова, Г. Р. Кроона, (Г. Волина), В. С. Яновского.

Молодежная группа «Завтра» декларировало свое единство с утвержденцами:

Мы полностью разделяем идеологическую систему «Утверждений»: веру в российское мессианское призвание, в освободительную миссию России в мире, в то, что она призвана сказать этому миру новое слово. Не будучи узкими догматиками мы ищем нового, социального раскрытия христианства; утверждаем первенство духовного начала над материальным, идей над интересами, общего над частным; социально мы обращены прежде всего к трудящимся и эксплуатируемым [15, с. 2].

Подробно перечислялись все установки этого политического течения.

Кроме издания журналов «Утверждения», «Завтра» и немногочисленных листовок, у утвержденных были большие планы наладить свою издательскую деятельность, выпускать в сериях книги и брошюры, печатать многотиражную периодику, отражающую их общественно-политические и идеологические взгляды. А. В. Квакин ввел в научный оборот очень интересное письмо Ю. А. Ширинского-Шихманова Н. В. Устрялову от 1 июля 1934 г. про издательские планы пореволюционеров:

Нами, кроме того задумано (и выполняется) издание «Пореволюционной библиотеки» — серия небольших (карманного формата) книжек; некоторые из них будут оригинальны (напр[имер] очень любопытная «Исповедь пореволюционера» нашего нового соратника — С. М. Сирина) — другие же — оттиски статей из № 4 «Утверждения» по принципиальным вопросам (национальный вопрос, земельный, рабочий, социальный и пр.). Мы бы могли выпустить отдельной книжкой в серии «Пореволюционной библиотеки» Ваши три статьи, причем расходы связанные с напечатанием «О советской нации» взяли бы на себя, а расходы по остальным двум статьям легли бы на Вас [11, с. 207].

Утвержденные очень серьезно относились к пропаганде своих взглядов. В четвертом номере за 1933 г., в редакционной статье они отчитывались перед сторонниками: «Издательская работа утвержденных все расширяется. К выпуску в течение зимы 34-го года намечена целая серия брошюр (“Популярная библиотечка утвержденных”) и листовок» [17, с. 2]. Далее планировалось «предпринять необходимые шаги для централизации пореволюционного издательского дела: один “толстый” журнал, один ежемесячник, одна газета» [17, с. 6]. Для этого хотели прекратить печатать дорогие и малотиражные издания местных организаций и закрыть ротаторные номера журнала «Завтра».

Издательская деятельность утвержденных была очень незначительной, не смотря на нетривиальные идеи, преданность немногочисленных сторонников и помощь новоградцев. Ни одного издания «Пореволюционной библиотеки» или «Популярной библиотечки утвержденных» обнаружить не удалось. Видимо публикации помешало банальное отсутствие финансирования. Большинство русских эмигрантов были активистами или выбирали менее элитарных младороссов. С другой стороны, сами утвержденные верно отмечали:

Тот факт, что на страницах «Утверждений» нашли себе место Бердяев и Кускова, Тимашев и Устрялов, Степун и Дмитриевский, — подтверждает правильность основной установки: широкой терпимости к чужому мнению, способность отвести на второй план свое частное, ради утверждения общего «во имя России завтра» [15, с. 29–30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Вал. На путь // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 3–4.
2. [Боранецкий П. С.], П. Б. Ответ нашим критикам // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 38–42.

3. Вальден Х. Эволюция Хитлера // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 159–162.
4. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. — Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 5856. Оп. 1. Д. 518.
6. Дмитриевский С. Против пассивности // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 119–128.
7. Зензинов В. Памяти И. И. Фондаминского — Бунакова // Новый журнал. — 1948. — Кн. XVIII. — С. 299–316.
8. Иванов В. Д. Заметки по вопросам политики // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 134–147.
9. Ильинская И. И. Новые течения европейской мысли // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 20–22.
10. К слухам об интервенции // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 165–166.
11. Квакин А. В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. — М., 2006.
12. Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной революции за рубежом. — Калинин, 1977.
13. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. — Т. 1. — М., 1994.
14. Олейник О. Ю., Меметов В. С. Интеллигенция, эмиграция, отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20–30-х годов XX века. — Иваново, 1997.
15. Открытие Пореволюционного Клуба // Завтра. — 1933. — № 4. — С. 29–30.
16. От редакции // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 1–3.
17. От редакции // Завтра. — 1933. — № 4. — С. 1–16.
18. От редакции // Утверждения. — 1931. — № 1. — С. 3–8.
19. От редакции // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 3–10.
20. Первое открытое собрание 31-го октября 1935 г. // Ежемесячник Пореволюционного клуба. — 1935. — № 1. — С. 4–14.
21. Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. — М., 1999.
22. Савинков Л. О революции // Завтра. — 1933. — № 1. — С. 6–9.
23. Сарматов О. А. Дух интервенции // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 119–122.
24. Степанов И. В. Россия и эмиграция // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 109–118.
25. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. — Париж; М., 1996.
26. Устрялов Н. В. Эмигрантская смена // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 107–118.
27. Ширинский-Шихматов Ю. А. Об антигитизисе // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 65–75.
28. Ширинский-Шихматов Ю. Освобождение // Утверждения. — 1933. — № 1. — С. 19–43.
29. Ширинский-Шихматов Ю. А. Что происходит в России? // Ежемесячник Пореволюционного клуба. — 1935. — № 1. — С. 14–16.
30. Холодилов А. Д. Вчера. Сегодня. Завтра // Утверждения. — 1931. — № 2. — С. 54–64.
31. Хроника // Утверждения. — 1932. — № 3. — С. 167–176.